
Р. Ш. Джарылгасинова

СОКРОВИЩА НИККО

Когда любишь красоту снега или красотой луны, словем, когда бываешь потрясен красотой четырех времен года, когда испытываешь благодать от встречи с прекрасным, тогда особенно думается о друзьях: хочется разделить с ними радость.

Ясунари Кавабата

Любовь японцев к прекрасному, искони свойственный их культуре эстетизм прежде всего проявляются в отношении к природе. Японцы глубоко и тонко чувствуют красоту исхлестанной морским ветром сосны, горного водопада, скалистых ущелий, стаи летящих над рисовыми полями уток. Наверное, именно поэтому в этой высокоразвитой стране с ее гигантскими городами уделяется такое внимание охране природных достопримечательностей. А наиболее излюбленные ландшафты здесь — места поклонения и паломничества, превращенные в национальные парки и заповедники. Горы Хаконэ, с которых открывается неповторимый вид на вулкан Фудзияма; причудливые острова Мацусима, вырастающие из серовато-синего зеркала моря; гористый остров Миядзима, прославленный старинными ториями храма Ицукусима; парки с горячими источниками на о. Хоккайдо — все эти и многие другие места известны не только своими природными достопримечательностями. Здесь в течение столетий создавались памятники ритуальной и светской архитектуры, воспринимаемые нами сегодня как неотъемлемая часть окружающего пейзажа. Наконец, со многими из этих мест связаны национальные празднества, обряды, а порой старинные мистерии и карнавалы.

Под сенью вековых криптомерий

*Не говори ни о чем, что это прекрасно,
пока ты не увидел Никко.*

Старинная японская поговорка

Настроение в то раннее сентябрьское утро было превосходным. Его не могла испортить даже серая пелена облаков, скрывавшая небо Токио.

За окнами автобуса торжественно и чинно вышагивали ультрасовременные здания Нихонбаси, позади осталась многолюдная и красочная Гинза, зеленым островком где-то в стороне проплыл знаменитый парк Уэно. Наш автобус направляется к Асакусе — одному из вокзалов Токио. Он не так велик, как Центральный Токийский вокзал, но в этот ранний час шумен и многолюден: к платформам подходят электропоезда и тысячи людей волнами устремляются к выходу. Это служащие и рабочие токийских предприятий, живущие в пригороде.

А вот и наш электропоезд-экспресс. Он доставит нас в Никко — главную цель нашего сегодняшнего путешествия.

Никко — название небольшого городка, расположенного в 135 км к северо-востоку от Токио, и одновременно наименование известного национального парка Японии, который занимает огромную территорию и отличается неповторимыми ландшафтами и пейзажами, это горная страна с величественной снежной вершиной Нантай и знаменитым озером Тюдзендзи, из которого берет свое начало водопад Кэгон. Никко известен всему миру и благодаря тому, что на склонах высоких холмов и на вершинах гор здесь в течение столетий создавались многочисленные буддийские храмы и синтоистские святилища — шедевры древнего и средневекового японского искусства. Здесь же находится усыпальница Иэясу Токугава (1542—1616) — основателя династии сёгунов из рода Токугава, феодальных правителей Японии с 1603 по 1867 г. — и посвященный ему храмовый комплекс Тосёгу (XVII в.).

Но все это впереди, а пока за окнами поезда мелькают деревни, рисовые поля, маленькие городки, снова деревни и снова рисовые поля. Поражает насыщенность и яркость красок: аквамариновое небо, темно-синяя черепица домов, сочная зелень полей, белизна чисто выстиранного белья, развевающегося на длинных палках, выставленных прямо из окон домов. На многих полях рис уже убран. Маленькие рисовые снопки издали напоминают пляшущих человечков с поднятыми вверх руками. Там, где созревший рис еще стоит на полях, над ним протянуты металлические нити с разноцветными флажками, которые трепещут от малейшего движения ветерка и охраняют поля от птиц. То тут, то там прямо среди посевов мелькают небольшие земляные возвышения с каменными обелисками. Это родовые погребения. Древний обычай хоронить своих родственников на родной земле, неподалеку от жилищ, сохраняется в некоторых районах Японии до сих пор. Темные обелиски памятников среди зелени рисовых полей — неперемнная деталь японского сельского пейзажа, символ неразрывной связи ушедших с ныне живущими.

Через час пути равнинные пейзажи стали сменяться горными. Мы приближаемся к Никко. Перед въездом в город дорога идет вдоль узкой аллеи старинных японских криптомерий. Многим из них более 300 лет. Согласно преданию, эти величественные деревья были посажены феодалом Масацуна Мацудайра. Дело в том, что во время строительства храма Тосёгу все феодалы страны должны были вносить свои пожертвования на возведение этого грандиозного памятника. Феодал Мацудайра, гласит предание, был беден, и его пожертвование заключалось в том, что в течение 20 лет он приносил сюда саженцы криптомерий и высаживал их вдоль дороги, ведущей к храму. В настоящее время общая протяженность трех аллей криптомерий достигает 38 км, а самих деревьев насчитывается около 16 000. С волнением смотришь на этих зеленых великанов, под сенью которых уже в XVII в. отдыхали путники: крестьяне и воины, ремесленники и принцы. По этим аллеям шествовали красочные процессии, многие из которых запечатлены на цветных гравюрах великих мастеров XVII—XVIII вв.

Столетние гигантские криптомерии отделяют городок Никко от территории храма Тосёгу. Особенно красив этот уголок ранним утром, когда лучи поднимающегося светила проглядывают сквозь листву деревьев и легкий туман.

Наш автобус останавливается у подножия гигантской лестницы, которая ведет к святилищу храма Тосёгу. Храм этот был воздвигнут в память Иэясу Токугава. Иэясу избрал Никко местом своего вечного упокоения. Строительство храма начал его сын Хидэтада, а продолжил и закончил внук Иэмицу. Хотя официальная дата создания храма — 1636 г., окончательное завершение комплекса относится к 1647 г. В 1652 г., после смерти Иэмицу, на территории храма был построен мавзолей, получивший название «Тайюин».

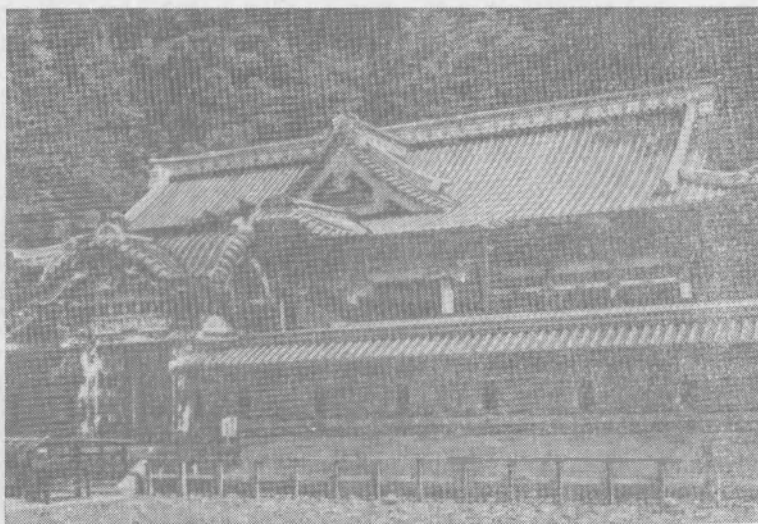

Рис. 1. Ворота Карамон храма Тосёгу

Тосёгу — архитектурный комплекс, состоящий из 22 строений, различных по своему стилю и облику. Основные строения комплекса — величественная лестница, гигантские каменные тории, ворота Ёмэймон и Карамон, увенчанные массивными кровлями, а также скромная усыпальница Ияёсу — расположены на одной прямой, поднимающейся по склону горы. Это создает впечатление, что архитектурный ансамбль как бы стремительно взлетает ввысь.

Общая площадь, занятая храмом, равна 80 тыс. м². Для создания Тосёгу сюда были призваны известнейшие мастера и художники того времени. Летописи свидетельствуют, что для украшения строений было использовано 2 489 900 пластинок золота, которыми покрыта площадь в 24 тыс. м².

Тосёгу — синтоистский храм, но на его территории буддийские и синтоистские святыни так близко соседствуют друг с другом, а в архитектуре и декоре различных по форме и стилю строений так тесно переплелись приемы различных художественных школ и направлений, что он является, пожалуй, наиболее ярким символом традиционного синкретизма религиозных представлений японцев.

Вот уже много десятилетий Никко занимает значительное место на карте международного туризма. Но было бы ошибкой думать, что Никко посещают только иностранцы. Многочисленные экскурсии японских школьников, студентов, людей среднего и пожилого возраста, отправившихся в путешествие со всеми своими домочадцами, оживляют древние святыни. В руках гидов матерчатые флажки самых разных оттенков. Флажки укреплены на длинных бамбуковых палочках, и, когда надо собрать свою группу, гид поднимает флажок вверх. На лацканах пиджаков, на отложных воротничках рубашек, на кимоно экскурсантов поблескивают красно-белые значки со словом «Никко». Их украшают небольшие ленточки, цвет которых соответствует цвету флажка их экскурсии.

Звонкие, переливчатые голоса нарядно одетых детей; трели красных или зеленых деревянных соловьев-свистулек, которых родители покупают малышам по дороге к храму; мирные, неторопливые разговоры взрослых; хлопки верующих, доносящиеся из синтоистских храмов; чуть глуховатый голос молодого священнослужителя, читающего своим прихожанам проповедь; журчание родника и всплески воды у бассейна, где паломники омывают лицо и руки, — все это в сочетании с солнечным

блеском, яркой зеленью, синевой неба и пьянящим буйством золотистых, красных, голубых и зеленых красок строений сливается в один торжествующий аккорд, имя которому «Солнечное сияние», ибо именно так переводится слово «Никко».

Среди архитектурных памятников Тосёгу наибольшей известностью пользуются ворота Ёмэймон и Карамон, выполненные в стиле японского барокко. В декоре этих сооружений, пожалуй, наиболее сильно чувствуется влияние китайских образцов. Поражает обилие деталей, украшающих колонны, стены и фронтоны ворот. Кажется, что создатели задались целью не оставить свободным ни одного самого незначительного по величине участка поверхности сооружений. Резные драконы, фениксы, фантастические животные, рыбы и птицы соседствуют с героями

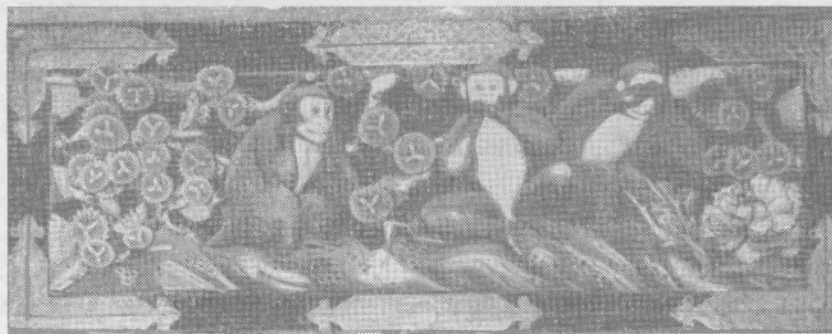

Рис. 2. Изображение трех обезьян. Деревянный барельеф

древней китайской мифологии и истории. Здесь господствуют красный, золотой, белый, синий и черный цвета, которые начиная с XVII в. занимают особое положение в декоре храмов и мавзолеев.

В убранстве этих сооружений храма Тосёгу, несомненно, чувствуется излишнее увлечение деталями. И возможно, есть доля истины в словах чешских востоковедов Яна и Власты Винкельхофер, посвященных Тосёгу: «Тот, кто строил Тосёгу, наверное, хотел бросить вызов богам, хвастаясь богатством, которым он владел. Этой цели он достиг. Но при этом он далеко перешагнул невидимую грань, отделяющую искусство от излишней роскоши, ту грань, перед которой японские зодчие всегда предпочитали остановиться за шаг, боясь ее коснуться»¹.

Однако в совершенно ином стиле выполнены другие здания комплекса. Вот, например, небольшое строение, известное под названием «Конюшня Священной Лошади». В декоре этого здания отсутствуют яркие тона, здесь господствуют черный и темно-красный. Единственное украшение — два ряда барельефов. Так, на одном из них изображены три обезьянки: одна закрыла лапами уши, другая — рот, третья — глаза. Нравоучительный смысл этой сцены связан с буддийской моралью: «Не слышу ничего дурного, не говорю ничего дурного, не замечаю ничего дурного».

В традициях древней японской архитектуры, для которой характерна ясность и простота форм, отсутствие нарочитости и излишеств в декоре, выполнены здания трех хранилищ, расположенных напротив конюшни. Архитектурный облик этих строений вызывает аналогии со знаменитым хранилищем Сёсоин в г. Нара (756 г.). В декоре превалирует золотисто-красноватая гамма цветов. Здания украшены резными барельефами. На одном из фронтонов Верхнего хранилища мы видим стилизо-

¹ Я. и В. Винкельхофер, Сто взглядов на Японию (перевод с чешского), М., 1968, стр. 69.

ванные изображения двух слонов. Предание говорит, что они были вырезаны по эскизам художника Танью Кано (1602—1674), который в свою очередь воспользовался рисунком из старинной книги.

До сих пор эти строения являются хранилищами церемониальных костюмов, музыкальных инструментов и различной ритуальной утвари, которые используются во время празднеств храма Тосёгу.

В создании мавзолеев Токугава в Никко участвовали живописцы школы Кано — Кано Танью и его братья Кано Наонобу (1607—1650) и Кано Ясунобу (1613—1685), которые были придворными художниками дома Токугава². Предание гласит, что великий живописец Кано Ясунобу нарисовал тушью на потолке одного из помещений святыни серого дракона с открытой пастью. Если в этой комнате кто-нибудь хлопал в ладоши или топал ногой, стены как бы начинали дрожать и казалось, что дракон на потолке рычит...

На строительстве храма в Никко одновременно работали свыше 15 000 рабочих. Строители делились на бригады, во главе которых стояли прославленные мастера³. К сожалению, история не сохранила нам имена простых тружеников, которые строили эти великолепные сооружения.

Общее расположение построек храма Тосёгу, высокое мастерство изготовления золотых деталей и использования лака в украшении архитектурных сооружений, стенная роспись и резьба по дереву — все это делает Тосёгу блестящим образцом зодчества и прикладного искусства Японии начала XVII в. — времени, известного как «период Эдо».

Почти 100 лет назад русский дипломат Григорий де-Воллан, долго живший в «Стране восходящего солнца», писал о Никко: «Гений Японии сказался в этих постройках еще и тем, что для великолепных мавзолеев была избрана самая подходящая местность... Надо отдать японцам справедливость, они великие мастера подготовить вас к восприятию новых впечатлений. Широкая аллея из столетних криптомерий ведет из Уцуномии в Никко. Вы постоянно поднимаетесь в гору... Никко весь окружен горами: что ни шаг, то подъем в гору, террасы нагромождены над террасами, бесконечные лестницы ведут, кажется, к самому небу. По дороге вы любуетесь чудными храмами, которым нет равных по великолепию. Но это не все... Поднимитесь еще выше, и там, где сама природа величава, сурова, неприступна, где столетние кедровые деревья навевают тихую грусть, где среди всеобщего безмолвия только слышен отдаленный шум водопада, там покоится прах великого сегуна. Тут уже все просто, величаво, торжественно. Нет украшений из золота, нет великолепия. Только громадная гробница из камня и бронзы говорит грядущим поколениям о тщете всего земного...»⁴.

«Алая листва в горах осенних»

В одном году

Два раза осень не бывает.

Ах, красотой осенних этих гор

Еще мое не насладилось сердце,

А кленов алых срок уже прошел.

«Манъёсю», кн. 10, песня 2218

Неширокая аллея усыпана мелкими камешками. Они шуршат и скользят под ногами. Многие из проходящих наклоняются, поднимают по нескольку штук и кладут их в каменные светильники, стоящие вдоль аллеи.

² «История японского искусства» (перевод с японского), М., 1965, стр. 113.

³ Там же, стр. 98.

⁴ Г. де-Воллан, В Стране восходящего солнца. Очерки и заметки о Японии, СПб., 1903, стр. 248.

На территории храма Тосёгу собрано 102 каменных светильника, 17 бронзовых и два железных. Большая их часть расположена перед воротами Ёмэймон. Светильники были пожертвованы храму различными феодалами. Разнообразные по форме и отделке, эти светильники — настоящие произведения искусства и на многих из них изображен герб рода Токугава — трилистник, заключенный в круг.

Рис. 3. Один из бронзовых светильников храма Тосёгу

Поднимающаяся в гору дорога привела нас к небольшому деревянному зданию синтоистского храма Футаарасан. Согласно легенде, храм с таким названием был построен еще в VII в., но был буддийским. Считают, что первоначально он был воздвигнут на вершине горы Нантай монахом Сёнин Сёдо, который и поныне почитается как человек, «открывший Японии Никко».

В древних преданиях рассказывается о том, что, когда в VII в. Сёдо прибыл в эти места, он заметил на вершине горы Нантай «пятицветные облака». Поняв это как божественное знамение, монах попытался подняться на вершину, но путь ему преградила горная река Дайя. Сёдо стал молиться Будде, прося его о помощи. И вдруг он увидел на про-

отивоположном берегу старца в белоснежных одеждах. Это был Дух змей, по знаку которого две змеи — красная и синяя — перекинулись над бурлящим потоком и образовали своими телами мост. В следующее мгновение этот живой мост покрылся ветками кустарника. Монах переправился на другой берег, достиг вершины горы Нантай и воздвиг там буддийский храм.

Якобы в память об этом событии позднее через горный поток Дайя был перекинут деревянный мост, получивший наименование *Синкё* («Священный мост»). Темно-красные, покрытые лаком перила моста прекрасно гармонируют с черными балками, покоящимися на каменных столбах. Особенно красив этот мост после дождя, когда краски от влаги становятся насыщенными и яркими. Мост Синкё — одна из достопримечательностей Никко — начиная с XVII в. бывает открыт только в дни праздников храма Тосёгу, когда по нему проходят участники торжественных церемоний.

В празднествах, фестивалях и многолюдных процессиях, проводимых ежегодно в Никко, можно наблюдать все тот же синкретизм религиозных представлений японцев, тесное переплетение буддизма, синтоизма, культа предков, а порой и более древних воззрений.

Одним из наиболее грандиозных празднеств храма Тосёгу является фестиваль *Сеннин-гёрэцу* («Процессия, состоящая из тысячи человек»), который проводится в Никко ежегодно 17—18 мая уже более 350 лет, начиная с 1617 г. Первоначально эти многолюдные процессии устраива-

лись с единственной целью — увековечить память о великом сёгуне. 17 мая 1617 г. его тело по мосту Синкё было перенесено в Никко. Однако с течением времени эти празднества превратились в красочные фестивали, в своеобразную форму сохранения традиционных представлений, воззрений, обрядов, старинных танцев, игрищ, развлечений, а также многочисленных атрибутов, разнообразных предметов быта и ритуала (костюмы, музыкальные инструменты, вооружение и т. п.) средневековой Японии.

Фестиваль, проводимый в Никко 17—18 мая, один из самых значительных в современной Японии⁵. Он начинается утром 17 мая, когда красочная процессия, пройдя по мосту Синкё, торжественно подходит к храму Тосёгу. В сопровождении синтоистских священнослужителей участники процессии приносят здесь жертвы духам правителей средневековой Японии. Затем реликвии, связанные с почитанием их культа (бронзовые зеркала), в священных бронзовых паланкинах *микоси* на руках благоговейно проносятся через ворота Ёмэймон и доставляются в храм Футаарасан. На следующий день перед этим храмом устраивается своеобразный парад воинов, одетых в одежды XVII в.: солдаты с алебардами в пластинчатых кольчугах и шлемах, копьеносцы, всадники с луками. В процессии участвуют и 12 юношей, шляпы которых украшены изображением голов животных, входящих в знаки зодиака. Интересно группа мужчин, лица которых скрыты под масками, имитирующими лисьи морды. По традиции эти маски изображают фантастических лисоборотней, которые якобы обитают в горах Никко и призваны охранять Тосёгу и его окрестности. А вот шествуют охотники с прирученными соколами — соколиная охота считалась благородным занятием в феодальной Японии. Кони, флаги, знамена, яркие костюмы — все это многоцветие сливается с призывными звуками барабанов и колоколов. Над головами присутствующих снова торжественно проплывают паланкины с реликвиями храма.

Вечером того же дня толпы людей собираются, чтобы полюбоваться старинными танцами *адзума-асоби* («игры восточной части острова Хонсю») или наблюдать за состязанием в стрельбе из лука конных всадников *абусамэ*. Эта известная в средневековой Японии игра восходит к периоду Камакура (XII в.).

Многолюдно бывает в Никко и в начале августа, когда тысячи паломников в белых одеждах, простых соломенных шляпах и сандалиях поднимаются к озеру Тюдзэндзи для того, чтобы омыться в его холодных водах и посетить буддийские храмы, расположенные по его берегам⁶. В ночь на 3 августа большие группы людей с посохами и факелами в руках поднимаются на священную вершину горы Нантай, чтобы поклониться святыням, там они и встречают восход.

Однако вернемся к синтоистскому храму Футаарасан. Ныне его славу составляют древние танцы *кагура*, исполняемые *мико* — девушками, «посвятившими себя служению богам». Кагура — синтоистские ритуальные танцы, их возникновение относится к первым векам нашей эры. Со временем кагура претерпели большие изменения. Наиболее известны в наши дни танцы *мико-кагура*, исполняемые в храме Футаарасан.

Не спеша усаживаемся на прохладный пол, покрытый золотистыми циновками. Протяжно запели сямисэны. Откуда-то из темноты храма появились тоненькие фигурки в красно-белом. Медленно струятся складки широких одежд, плавные движения танцовщиц вторят древней мелодии. Постепенно ритм учащается. Мико танцуют сначала с веерами, затем с бубенцами. Последним исполняется танец с мечами — движения

⁵ Н. Вауер, S. Carlgvist, *Japanese festivals*, N. Y., 1965, p. 33—36.

⁶ Гр. де-Воллан, Указ. раб., стр. 250—254; Н. Вауер, S. Carlgvist, Указ. раб., стр. 109.

танцовщиц делаются резкими, убыстренными, решительными, а сами они в этот миг напоминают маленьких воительниц.

В седую старину уходит символика многих жестов и движений исполнительниц. Их необычные костюмы и украшения в волосах невольно вызывают ассоциации с образами древних фресок. Когда-то танцы кагура являли собой целые драматические представления, целью которых было обращение к богам с мольбой о мире, благополучии и урожае.

К древним культам природы восходят и такие поэтические праздники японского народа, как любование цветами, символизирующими смену четырех времен года. В наши дни в каждой префектуре страны есть наиболее излюбленные места, где можно наблюдать цветение сливы или сакуры, пионов или ирисов, смотреть на алую листву кленов. Это может быть парк или просто маленький уголок зелени в большом городе, два три дерева на склоне холма или небольшая поляна цветов у храма.

Любоваться цветами во все времена года люди приезжают и в Никко. В самом конце зимы неподалеку от деревянного строения старинного храма Рицуин (VII в.) первыми зацветают японские сливы *умэ*. В середине апреля сливу сменяет цветущая сакура. Здесь, около Рицуин, есть и 200-летние деревья. Их цветы имеют своеобразный золотистый оттенок. Это особый, редкий вид сакуры — *конгосакура*.

Множество людей приезжает в Никко осенью для того, чтобы наблюдать красоту пламенеющей листвы кленов. Обычай любования алыми листьями кленов, *момидзигари*, восходит к осеннему празднику урожая. Когда-то в старину после уборки урожая жители деревень собирались вместе, водили хороводы, украшали друг друга венками из алых листьев, ветвями кленов убирали свои дома. На этих празднествах складывались песни о красоте природы, о любви. В «Манъёсю» — этом неповторимом памятнике древней японской поэзии — сохранилось немало стихов и песен, связанных с любованием алым цветом осенних лесов, пламенеющим золотом гор. В лирике этих песен-переключек, как высокая и чистая нота сямисэна, звучит тема тоски о любимом друге, вместе с которым хотелось бы любоваться первозданной красотой осени⁷.

Бесконечным серпантинном тянется вверх, все выше и выше к небу серебристая лента шоссе. На высоте 1500 м над уровнем моря в темносинем зеркале озера Тюдзэндзи как бы застыло отражение снежной вершины горы Нантай. Отсюда склоны гор и холмов Никко кажутся чудесным ковром, удивительной золотисто-алой парчой... Здесь с особой остротой постигаешь всю глубину философско-этического эссе «Красотой Японии рожденный» Ясунари Кавабата⁸, в котором есть такие строки: «Снег, луна, цветы, олицетворяющие красоту сменяющих друг друга четырех времен года, по японской традиции олицетворяют красоту вообще: красоту гор, рек, трав, деревьев, бесконечных явлений природы, в том числе и человеческих чувств»⁹.

⁷ «Манъёсю», перевод с японского и комментарий А. Е. Глускиной, т. 2, М., 1971, стр. 230—250.

⁸ Ясунари Кавабата (1899—1972) — один из крупнейших японских писателей нашего времени, лауреат Нобелевской премии (1968 г.).

⁹ Ясунари Кавабата, Красотой Японии рожденный (перевод с японского Т. Григорьевой), в кн.: Ясунари Кавабата, Тысячекрылый журавль, Снежная страна. Новеллы, рассказы, эссе (перевод с японского) М., 1971, стр. 387—388.